

Глава IV. Группа «Мы» перед НКТ и Республикой

Вечером того дня, наполненного драматическими происшествиями, описанными в предыдущей главе, НКТ и ФАИ созвали своих членов на собрания с целью определить позиции организаций ввиду политики ограничений, которую наверняка намереваются проводить новые каталонские правители против НКТ, и в особенности анархистов из ФАИ.

На этих заседаниях, в частности, НКТ проанализировала беспокойство Масиá, оказавшегося в трудном положении из-за действий его собственной армии. Он опасался не найти общий язык с рабочими НКТ — ведь он ожидал поддержки Статуса автономии Каталонии на референдуме, планируемом в скором будущем. Его речь и официальные заявления после известных событий вызывали волнение. Ввиду такого положения среди ряда членов организации царило мнение, что необходимо предоставить правительству так называемую «социальную передышку», своего рода шанс, и не провоцировать трудности в его новоиспечённом правлении. Другими словами, они призывали к соглашению между НКТ и каталонскими политиками. Вполне логично, что такое предложение исходило от «умеренных» в конфедеральной организации. В оппозиции этим товарищам находились те, кто указывал — кроме вышеупомянутого интереса Масиá — на страх, испытываемый политиками и самим генералом-капитаном Лопесом Очоа вследствие поведения войск, готовых противостоять Гражданской гвардии и встать на сторону народа. «В таких условиях, — говорили они, — любой пример добрых намерений может быть истолкован как слабость самой НКТ и неприятие той позиции, на которые встали анархистские группы, выступившие против правоохранительных структур». Говоря иначе, такой шаг мог бы быть понят как раздор между НКТ и ФАИ — нечто вроде «зеленого света» для политиков в их репрессиях против анархистов.

Кроме того, существовала глубинная проблема: соглашение требовало компромиссов, а сам компромисс мог бы превратить НКТ в Каталонии в придаток будущего правительства Женералитат, что означало бы изъятие из НКТ анархо-синдикалистской сущности. На том собрании участники отметили существование двух тенденций, сторонники которых рассматривали политический момент в Республике и Каталонии с диаметрально противоположных точек зрения. Так как проблемы имели существенный, а не формальный характер, все почувствовали, что внутренняя дискуссия в НКТ будет трудной и даже может привести к расколу в организации. Такое разделение — если оно имело бы место в те моменты реорганизации — создало бы серьёзное препятствие, которое могло сильно повлиять на возрождение НКТ и также помешать обозначить чёткую линию перед лицом явных намерений нового министра труда — Франсиско Ларго Кабальеро. В его цели входила борьба с НКТ с позиций правительства через принятие декретов-законов, таких как урегулирование забастовки посредством заблаговременного уведомления сроком в восемь

дней и разрешения конфликта через Смешанные трибуналы (рабочие, хозяева предприятий и Трудовая инспекция), с целью урегулирования разногласий (труд-капитал) — как средство предупреждения забастовок. Ввиду указанных законов и очевидных целей социалистического реформизма НКТ не могла отступить, потому что если бы она действовала таким образом, то изменила бы самой сущности анархо-синдикализма и приняла профсоюзную интеграцию в рамках государства. Чтобы защититься перед лицом новой политики, НКТ нужно было обозначить конкретную позицию — логичную и решительную. Активисты серьезно относились к трудностям момента — ведь над ними, наподобие дамклова меча, нависла угроза раскола в рядах организации. Существующая панорама, кроме того, означала хрупкость единства в НКТ. Участники собрания, стараясь отдалить опасность разделения, предприняли всевозможные попытки гармонизировать различные концепции. Наконец было принято решение срочно созвать съезд НКТ, который бы определил новую стратегию согласно политическим условиям в рамках провозглашения Республики.

В то время как НКТ извлекала уроки из дня празднования 1 мая, анархистские группы, созданные Местной федерацией групп Барселоны, заседали с теми же целями. На этой встрече, собравшей более чем тридцать группировок, присутствовали новые для «Солидарных» лица. За годы подполья во время диктатуры выросли многие активисты: одни — в профсоюзах, другие — в читальных клубах и культурных центрах для рабочих. Восстановление НКТ в 1930 году и внутренние дебаты послужили призывом к борьбе для тех, кто находился в изоляции; для других такие меры означали сплочение рядов — именно для тех, кто участвовал в процессе реорганизации НКТ. Как результат такого контакта возникала новая ФАИ — более молодая и динамичная, а также обладающая более глубоким теоретическим багажом, чем тот, которым она располагала в годы конспирации.

Когда на собрании ФАИ группировки, как водится, представляли сами себя, «Солидарные» неожиданно получили «небольшой сюрприз». «Одна из новосозданных группировок выбрала название “Солидарные”. Прежняя группировка, носившая такое же имя, не сделала никакого замечания на эту тему, так как для них не существовал патент на собственность и само имя не меняло сущности»³⁰⁷.

Большинство собравшихся пришли к следующему выводу: если ФАИ уступала перед лицом шантажа со стороны власть имущих каталонских политиков (так как наличие провокации ни для кого не представляло сомнения), умеренная фракция НКТ смогла бы навязать ФАИ своё намерение исключить из профсоюзной организации анархистское влияние — и тогда анархисты оказались бы изолированными от рабочей массы. Такого рода факт повёл бы за собой интеграцию НКТ в общественное законодательство, предложенную министром труда Ларго Кабальеро, то есть, другими словами, вход её в структуру официоза, и вместе с этим социальная революция отодвигалась до «греческих календ». В силу целого ряда причин, отмечалось на собрании, особенно со стороны энергичных экс- «Солидарных» (переименовавших себя в группу «Мы»), Ларго Кабальеро не сможет избежать обострения классовой борьбы, потому что решения, которые он предлагает, не способны воплотить в жизнь ни он, ни само государство, и это происходит благодаря анахроническому характеру буржуазии и промышленной отсталости Испании. Но если социалистический реформизм не имел шансов на успех, то авторитарная власть республиканского государства, конечно же,

имела такие шансы, в случае если ей предоставлялось необходимое время. Таким образом, опыт правления тирана Примо де Риверы являлся поучительным: революция, с организационной точки зрения, отодвигалась назад. Принимая во внимания эти условия, — говорили на заседании, — важным является не допустить укрепления республиканского государства, и для этого нужно поддерживать постоянную предреволюционную обстановку, по словам группы «Мы» — так называемую «революционную гимнастику». На собрании подчёркивалось: НКТ должна играть в этом процессе роль революционного авангарда, наиболее продвинутого в политической и социальной борьбе. Рабочие и крестьяне, посредством непрекращающейся «революционной гимнастики», через практику придут к теории, и наоборот. В такого рода борьбе исчезает невозможное, «священные принципы» буржуазной идеологии остаются без авторитета и «табу» сокрушительно разрушаются. Таким образом, возможно будет приблизиться к обществу будущего, которое каждый рабочий будет принимать как осязаемую и доступную реальность, при условии овладения навыками каждодневной борьбы.

Такие выводы приводили анархистские группировки к идее не оставлять без внимания опасность раскола. Тем не менее перед лицом этой угрозы позиция ФАИ отличалась от той, которую заняли профсоюзные члены НКТ. В рядах ФАИ говорили: чтобы какая-либо организация могла сохранять последовательную стратегию, ей необходимо установить принципы в соответствии с её поведением. Если налицо внутренние силы, каждая из которых тянет в свою, диаметрально противоположную сторону, то они не только снижают эффективность организации, но и задерживают продвижение вперёд, превращая её в безвольное тело. Если нет другого выхода, для пользы революционного процесса надо принять раскол как должное, и он должен произойти с минимальными потерями³⁰⁸.

Национальный комитет, согласно просьбе НКТ, созвал III съезд на июнь 1931 года. ФАИ на это же самое число назначила Конференцию анархистов. И то и другое мероприятие должны были пройти в Мадриде. Жизнь членов НКТ и ФАИ в течение двух месяцев подготовки стала настолько интенсивной, что они практически не выходили с собраний профсоюзов и групп. Что касается Дуррути, Аскасо, Гарсии Оливера и других активистов, то к их обычной деятельности прибавились дела, связанные с пропагандой на митингах и конференциях. Присутствия трёх друзей на любой трибуне было достаточно, чтобы обеспечить митингу успех. Когда этот факт стал известным, со всех областей Испании посыпались приглашения для выступлений, что стало причиной их постоянных поездок. И если ко всему этому добавить, что каждый из членов НКТ, несмотря на его влияние вне организации, должен был работать на фабрике для обеспечения своих собственных нужд и потребностей семьи, то можно будет понять, в каком напряжённом ритме они жили. Эмилианне Моран признаётся, что «не видела Дуррути по целым неделям, так как он после работы сразу же шёл на собрания»³⁰⁹.

В то время как НКТ с большим усердием и как можно успешнее пыталась разрешить внутренние разногласия и занималась подготовкой съезда на собраниях, Временное правительство строго следило за процессом своей легитимности. Вначале нужно было решить каталонский вопрос, который Масиá поставил на повестку дня, считая, что в политике наилучшей тактикой являлась атака. Неожиданно для всех Масиá объявил автономию Каталонии и установил правительство Женералитат (Самоуправления). Мадрид,

и в особенности Мигель Маура, не мог согласиться с такой попыткой нарушения политического централизма. С одной стороны, он принимал тот факт, что необходимо было прийти к согласию в отношении статуса автономии, но с другой — политики Мадрида хотели сделать этот шаг, исполняя все законные и конституционные нормы, а не принять его под «партизанским» давлением Франческа Масиá. Для этого понадобилось организовать миссию министров, и даже самого Алькалá Саморы, в Барселону с целью убедить Масиá действовать в соответствии с юридическими процедурами. Так как Масиá не поддавался уговорам, пришли к решению найти так называемый компромисс, с тем чтобы в 1932 году провести референдум в рамках установленных законов.

К действиям Масиá прибавились другие (хотя и совсем другой окраски) — со стороны ещё одного «партизана во Христе Спасителе» (со слов Мигеля Мауры). Речь шла о кардинале Испании, доне Педро Сегуре³¹⁰. 1 мая кардинал опубликовал пасторское послание к духовенству и пастве архиепископства Толедо, где подчёркивал «трудное положение, в котором живёт страна». Обращение было довольно длинным, но нас более всего интересует его политическая составляющая в конце документа: испанским верующим напоминалось об их обязанностях ввиду приближающихся выборов в Учредительные Кортесы (Cortes Constituyentes), назначенные Временным правительством на июнь, которые должны были стать решающим шагом в конфигурации нарождающейся Республики. Пасторское послание буквально содержало следующее:

“ «Представляется срочным, чтобы в нынешних обстоятельствах католики, несмотря на их политические тенденции, являющиеся свободой выбора каждого, объединились эффективным и ответственным образом, чтобы избрать кандидатов в парламент, которые бы обеспечили полные гарантии защиты Церкви и общественного порядка»³¹¹.

Объявление войны новому правительству превратило кардинала Сегуру в подлинного лидера политической партии, призывающего к сопротивлению политическим мерам Республики, которые могли бы подвергнуть опасности «исторические фундаменты» нации. Его указания также предусматривали советы относительно экономического бойкота республиканскому кабинету, другими словами — рекомендации о вывозе капиталов за границу и т.д.

Основание партии «Национальное действие», легализованной Маурой, в сущности политической партии кардинала Сегуры, и её первые шаги на национальной арене спровоцировали народную реакцию — поджог 150 церквей и монастырей на всей территории Испании.

По словам Мауры события развивались так:

«На улице Алькалá, между Сибелес и площадью Независимости, напротив дворца Байлен собралась толпа, выкрикивая угрозы.

Напротив одного из домов с наглухо закрытыми дверями, неизвестно зачем расположился полицейский фургон. Несколько гвардейцев пехотной службы безопасности и кавалеристов,

не выказывая никакого намерения пустить в ход оружие, окружили демонстрантов, их целью было, тесня толпу, очистить улицу.

Я подошёл к командиру и спросил о причине волнений.

Оказалось, что утром какие-то монархически настроенные молодые люди на третьем этаже этого дома — по-видимому, в новом штабе партии — и в тот час, когда мадридская публика возвращалась с концерта в парке Ретиро, то есть когда улица была наиболее многолюдной, следуя чьему-то неблагоприятному совету, водрузили на оконной раме граммофон с усилителем и завели пластинку с мелодией «Королевского марша».

Понемногу перед зданием собирались люди, и постепенно образовалась целая толпа, причём враждебно настроенная. Кто-то несколько раз попытался силой открыть запертые изнутри входные ворота, и слышались возгласы, требующие их открытия, с тем чтобы проучить безрассудных. Гвардейцев вызвали по телефону изнутри дома, и они прибыли, чтобы воспрепятствовать нападению толпы на здание»³¹².

Маура разъясняет, что он, чувствуя себя бесполезным в той ситуации, вернулся в Министерство внутренних дел и связался с Генеральным директором безопасности генералом Карлосом Бланко, назначенным на этот пост Алькалá Саморой. Этот офицер «являлся далеко не симпатизирующим делу Республики и также не разделял наши идеи и духовные устремления», — говорит Маура. В действительности Карлос Бланко был монархистом на все сто процентов. Приказы, отданные Маурой генералу Бланко, показались тому настолько радикальными, что он воспротивился их исполнению. Пока в министерстве шла эта «потасовка», толпа рабочих на улице Алькалá, имея сведения, что автором этой монархической провокации был Хуан Игнасио Лука де Тена, директор и владелец газеты ABC, направилась на улицу Серрано, с намерением взять штурмом здание редакции. Другая часть демонстрантов направилась к Пуэрта-дельСоль, чтобы начать протест перед Министерством внутренних дел. Маура отдал приказ Гражданской гвардии очистить улицы «после нормативных предупредительных сигналов»³¹³.

Манифестанты, крича, требовали выдачи министра внутренних дел и роспуска Гражданской гвардии, по их словам — палачей народа. Ввиду такого положения дел и после сбора всего кабинета в здании министерства Маура запросил разрешения вывести на улицы гражданских гвардейцев, чтобы разогнать демонстрантов. Мануэль Асанья высказался против этой меры, аргументируя, что могут быть приняты любые действия, за исключением «бросать треуголки против народа». Позиция Асаньи повлияла на других министров, кроме социалистов — Ларго Кабальеро и Индалесио Прието, которые согласились с Маурой³¹⁴.

В шесть вечера делегация протестующих потребовала аудиенции с Мануэлем Асаньей, и тот принял их в здании Министерства внутренних дел. Делегаты попросили Асанью выйти на балкон и заверить демонстрантов, что виновные будут наказаны. Асанья согласился и озвучил такое обещание. Однако сразу же один из делегатов, стоявших рядом с Асаньей, взял слово и, читая с листа, «потребовал отставки министра внутренних дел, наказания монархистов — виновников утренних событий и роспуска Гражданской гвардии. Всё это, — пишет Маура, — произошло на балконе Министерства, без моего осведомления и в

присутствии гражданских гвардейцев во внутреннем дворе здания, которые прекрасно слышали все речи и крики»³¹⁵.

Маура в подробностях излагает свой спор с Асаньей и его извинения: по словам Мауры, всё, что он пообещал, было всего лишь уловкой, призванной успокоить толпу. Но опасная ситуация всё усложнялась. На улице Серрано манифестанты попытались ворваться в здание ABC, но гвардейцы, посланные Маурой для защиты газеты монархистов, отразили атаку выстрелами, при этом погибли два человека и были ранены. Когда эта новость донеслась до протестующих на Пуэрта-дель-Соль, обстановка ещё более накалилась и правительство потеряло контроль над ситуацией. Так продолжалось до рассвета. К шести утра толпа на площади рассеялась. Маура воспользовался этим обстоятельством и, под предлогом, что его проинформировали о планах поджога монастырей и церквей, и ввиду того, что Гражданская гвардия выходила из игры, принял решение задействовать Гвардию безопасности.

В 10 утра 11 мая начались поджоги церквей — начиная с Резиденции иезуитского ордена на улице Флор, за ней последовали религиозные школы, церкви и монастыри. Перед лицом фактов правительство стояло на своём и не выводило на улицы гражданских гвардейцев, сделав выбор на армии: той была поручена миссия умиротворения Мадрида. Генерал-капитан Гонсало Кейпо де Льяно объявил о «военном положении» и приказал войскам патрулировать улицы — так было покончено с поджогами церквей.

Ввиду «нерешительности правительства» Мигель Маура впал в депрессию и отправился к себе, чтобы подготовить заявление об отставке, что и сделал позднее. Когда правительственный кабинет узнал об этом решении, всех объяла паника. Они пересмотрели прежнюю позицию в отношении общественного порядка. В конце концов министры пришли к единому мнению, что лучше будет уступить и предоставить Мигелю Мауре все те полномочия, которые он запросил для управления министерством. Эти полномочия были настолько мощными, что он имел право объявить военное положение при согласии на такую меру министра внутренних дел. Иначе говоря, Маура мог располагать авторитарной властью, не отдавая при этом отчёта в своих действиях. Мигель Маура вскоре начал использовать «данные полномочия» без каких-либо ограничений.

В такой общественно-политической обстановке НКТ на каждодневных собраниях, митингах, в частности в Барселоне занималась подготовкой III Съезда. В этом городе политическая деятельность проходила в ускоренном ритме.

Для анархизма те годы имели огромное значение, и не только из-за важности его присутствия на Иберийском полуострове, но и в силу потенциального влияния на мировой арене. В предыдущих главах мы описали кризисную ситуацию анархизма на международном уровне после поражений в России, Италии и Франции. Пережитые трудности, похоже, заставили организованный анархизм, переживая комплекс неполноценности, отступить перед наступающим всеобщим большевизмом. Одним из главных вопросов, встававших перед анархизмом, являлась эффективность или неэффективность организации как таковой. Полемика на эту тему парализовывала это движение с точки зрения боевитости и укрепляла силу коммунистических партий. Испанские анархисты осознавали кризис и поэтому считали, что если бы в Испании им

удалось основать настоящую массовую организацию, ориентируемую анархизмом, то это бы неизбежно повлияло на другие схожие по духу анархистские движения, придавая им недостающий энтузиазм. Секретариат Международной ассоциации трудящихся (МАТ) также пришёл к такому выводу и сразу после проведения съезда НКТ созвал в Испании Международный съезд. На несколько дней Мадрид превратится в столицу активного и рабочего анархизма.

Рудольф Роккер, бывший в то время секретарём МАТ, рассказывает о своём посещении Испании: «В начале последней недели мая мы в составе большой группы отправились в путь. Августин Зухи и я представляли Международный секретариат МАТ. С нами также были Оробон Фернандес и два шведских товарища, прибывших в Берлин. Хельмут Рудигер от делегатов ФАУД (Свободной ассоциации немецких профсоюзов) уже некоторое время находился в Испании. Карл Виндхофф из Дюссельдорфа также приехал в Мадрид. В Париже нас ожидали делегаты из Голландии и Франции. Собравшись все вместе, вечером мы выехали в Барселону.

Прибыли туда в 8 утра и с вокзала сразу же отправились в административный штаб НКТ. Там мы встретили Хуана Пейро, директора нашей газеты *Solidaridad Obrera*, и приблизительно дюжину других испанских товарищей, сердечно нас принявших. Они находились в прекрасном расположении духа; было заметно энергичное влияние краха монархического режима. Они рассказали о невероятном развитии анархистского движения в стране за последние месяцы. НКТ насчитывала в своих рядах более миллиона членов, но её влияние выходило за пределы этой цифры и также чувствовалось в других сферах»³¹⁶. Зарубежные делегаты разместились за счёт НКТ. Роккер рассказывает о приятном впечатлении от экскурсии по Барселоне: «Повсюду мы видели огромные плакаты, на которых издали выделялись крупные буквы — НКТ. То были призывы на народные собрания, намеченные на следующее воскресенье. Это вместе с продажей *Solidaridad Obrera* во всех газетных киосках неоспоримо доказывало тот факт, что мы находимся в самом твёрдом бастионе либертарного движения Испании.

Когда вечером мы вернулись в гостиницу, нас там ожидали Дуррути и Аскасо. Дуррути справился о товарищах, знакомых по Берлину, в особенности об Эрехе Мюзаме и других верных товарищах из Оберзее-Хоневайде, в чьём доме он нашёл надёжное убежище.

Мы побеседовали о новой обстановке в Испании и перспективах движения на будущее. Оба возлагали на него большие надежды, хотя и понимали, что необходимо преодолеть целый ряд трудностей, прежде чем победно заложить основы новой общественной системы. В этом не было никакого сомнения, так как монархия оставила страну в состоянии полнейшего хаоса, и проблемы не могли быть решены в одночасье, а после конструктивной упорной работы — на основе нового фундамента.

Аскасо придерживался мнения, что тяжёлые страдания, в течение нескольких лет предшествовавшие родам Республики, оказались худшими, чем сами роды. Для него в этом смысле существовал некий ущерб, потому что решающие изменения экономической и общественной жизни, как, например, аграрная проблематика, имеющая огромное значение именно для Испании, могли бы быть разрешены только посредством длительного

революционного периода, который должен создать новые обстоятельства, что невозможно было передать для решения никакому правительству. Тем не менее он считал, что после июньских выборов ситуация должна была проясниться, причём роль НКТ будет значительной»³¹⁷.

На следующий день после этого разговора было воскресенье. НКТ назначила митинг во Дворце коммуникаций в честь новоприбывших зарубежных делегатов. Роккер наряду с другими присутствовал на митинге. Все были поражены количеством участников — ведь в их странах на собраниях не собиралось столько народа! По сообщениям буржуазной прессы, там насчитывалось более 15 тыс. человек. Здание не смогло вместить всех желающих принять участие, и для того, чтобы люди, стоявшие на прилегающей площади, смогли услышать выступления, пришлось установить аудиоусилители у входа во Дворец. Ещё один факт привлёк внимание Роккера: ему показалось странным, что публика не аплодировала после окончания выступлений. Он поделился своим наблюдением с Дуррути, после того как тот закончил свою речь и сел рядом с Роккером. Дуррути, в свою очередь, удивился комментарию немецкого товарища и ответил так:

“ «Друг мой Рудольф, ты прекрасно знаешь, что мы — анархисты — не создаём культ личности. Аплодисменты и овации для ораторов — это дешёвая музыка, пробуждающая в них себялюбие и страсть к лидерству. Справедливо отметить достоинство какого-либо коллеги, и не более того. А интерес к его выступлению ясно определяется тем вниманием, с каким слушают его речь».

В заключение Роккер пишет:

“ «То незабываемое событие наверняка было одной из сильнейших манифестаций, на которых я когда-либо присутствовал. По сравнению с публичными актами соцпартий Германии, где ораторы в основном посвящали свои выступления жёсткой критике других тенденций, полностью игнорируя опасность, общую для всех, такое энергичное проявление активности пролетариата было очень благотворным. Там собрались люди с ясными целями, смотрящие в будущее с радостью, осознавая собственные силы (...). Если мы в Германии отдавали много энергии внутренним раздорам, многие из нас, даже самые сильные, видя безнадежный раскол в рядах пролетариата, ослабевали и даже впадали в депрессию. Однако эта гигантская манифестация имела эффект оздоравливающего реактива. Мы чувствовали себя обновлёнными и смотрели в будущее с новыми силами, и прямо в лицо».